

Хотя головы политиков и бардов в нашей стране забиты примерно одним и тем же, меж ними есть одно очевидное различие. Политиков все знают по именам, но мало кто представляет себе, чем конкретно они занимаются. Барда по фамилии могут не знать, зато песни его петь, как народные. Так случилось однажды с Юлием КИМОМ. Некий молодой артист "в телевизоре" объявил, что исполнит русскую народную песню "Губы окаянные". И тут же исполнил. А автор песни долго потом, отвечая на телефонные звонки, говорил с полным на то основанием: "Русский народ слушает"...

Почему при короле нет шута

- В этой стране вы долгое время исполняли довольно опасную роль - роль шута при дворе развитого социализма. А сейчас несколько приумолкли... И получается очень похоже на песню Городниченко: "Нищета по всей земле и тщета, - Почему при короле нет шута?..." Неужели вы полюбили королей?...

- Да нет, я никогда их не любил. Просто после 91-го года у меня пропала охота иронизировать над властью. В конце концов, шут - не обязательно государственный оппонент. Это явление куда более широкое. Если разобраться, Гоголь тоже был шутом, хотя вряд ли думал о себе как об обличителе самодержавия. У шута просто особенный взгляд на вещи, в этом взгляде перемешаны смех и слезы... Человек и человечество еще так далеки от совершенства, что мне всегда есть над чем посмеяться и поплакать.

- А вам не кажется, что с наступлением гласности смеха в России вообще заметно поубавилось?

- Нет, ну что вы! Во-первых, есть же замечательные поэты смешные - Иртенев, Пригов, Вишневский... Это профессионалы смеха. А на любительском уровне остались анекдоты. Я отметил, что "сериалов" - ну, про чукчу или про Василия Ивановича стало меньше гораздо, и политических анекдотов - тоже. "Идет Джохар Дудаев по улице, а навстречу ему Руцкой с пашкой"... - такого я что-то не встречал, но зато есть о-очень милье образчики про любовь, например. Ну вот мой последний любимый: на парижской набережной сидит на скамейке очаровательная дама... такая, знаете, мадемуазель. И тут из-под этой самой скамейки вылезает грязный, рваный, дурно пахнущий бомж, по-парижски - клошар. И протягивает ей замызганное яблоко. Дама в ужасе мотает головой: "Нон, нон!" А он ей грустно так: "Что ж, значит, насчет любви - никак?!"

- А почему нет хороших политических анекдотов? Что, разве стало меньше маразма?

- Да нет, сейчас с маразмом тоже неплохо. Только он другого сорта. Сегодняшний произвол чиновников, мне кажется, намного превосходит тогдашний. Но раньше это все сопрягалось с обязательностью лжи. Мы ведь даже до конца еще и не осознали, какая страшная плита свалилась с наших плеч, плита тотальной, обязательной для каждого лжи. Сегодня у тебя все-таки есть выбор: хочешь - ври, хочешь - ходи в честных. Лжи можно возра-

зить. А раньше над ней можно было только похихикать.

- Ностальгия по прекрасным 60-м вас, кажется, не мучает?

- Если они и были прекрасны, то только потому, что мы были молоды. Но ведь и в эпоху инквизиции кто-то был молод! Нет, нет, то, что в нашей стране произошло, - это прекрасно. Это замечательно. Для меня, например, это огромный отдых. И - печаль по тем, кто не дожил... Я, кстати, этим временам благодарен еще и за то, что вспомнились некоторые имена. Вот недавно, как ни странно, в Омске, а не в Москве, вышла впервые в России книжка стихов и прозы Вадима Делоне. Ну, вы знаете, это самый молодой из "великолепной семерки" 68-го года, вышедшей на Крас-

ную площадь в знак протеста против печальных пражских событий. Он тогда отсидел свои три года и был изгнан из страны, но так и не прижился в эмиграции и

угас, по-моему, именно от ностальгии в славном городе Париже, а книга его теперь продается в Москве.

- Вы, кажется, в ту пору еще учительствовали?..

- Да, учительствовал и диссидентствовал немножко, за что из учительства и был изгнан с позором. Чтобы не разлагал молодое поколение, призванное жить при коммунизме. И с тех пор я только пишу. Сначала песни, стихи, потом и пьесы... Я сочиняю их пешком... Вышагиваю на пространстве от Велозаводского рынка до Коломенского парка, а потом прихожу домой - я живу в том районе уже тридцать лет - и высыпаю их на бумагу.

- Вы москвич?

- Я тут родился в 36-м. В 37-м забрали отца, в 38-м - мать... И я тогда перебрался жить к родственникам в Калужскую губернию. Потом жил в местечке под названием Ухтомка, возле Люберец... Когда мать вернулась, уехали, как полагалось, за 101-й километр, потом еще дальше - в Туркмению. Я только в 54-м вернулся в Москву. Но больше уже не уезжал.

- Коренной москвич корейской национальности?..

- Наверное, так. Хотя кореец я только по отцу, мать у меня - Всесвятская, а бабка и вовсе Успенская была. Так что я, скорее, из духовных российских лиц.

- А когда к вам приходят в гости друзья, вы где их обычно принимаете?

- Ну как где? Как положено, на кухне.

Яна ЗУБЦОВА,
Владимир МАРТЫНОВ
Фототатар ТАСС

